

Не знаю почему, но эти ватиканские рыцари с пугающими аурами проявляли ко мне неподдельный интерес, словно наткнулись на редкое дикое животное. Они окружили меня своими высокими, могучими фигурами, словно ограждая от внешнего мира. Они не произносили ни слова, лишь смотрели на меня пустыми, устрашающими глазами. Я чувствовала себя куском свежего мяса, брошенным в стаю голодных зверей. Казалось, что вот-вот они набросятся и разорвут меня на части. В этой гнетущей атмосфере я была парализована страхом, даже говорить не могла. Но самое странное было то, что нимбы над их головами мерцали невообразимо быстро, и я снова слышала странные разговоры. "Почему эта человеческая самка так ошеломлена?" "Может быть, мы слишком добры? Нас переполняют чувства, и мы не можем говорить?" "Думаю, это вполне вероятно. Я слышал, что многие люди обожают наших Светлых Воинов." "Да, это так... Но у этой человеческой самки белая нежная кожа, прекрасные черные глаза и небольшой рост... Ах, какая милашка! Я бы очень хотел ее заполучить." "Незаконно держать людей в качестве домашних питомцев, а эта самка, похоже, всего лишь детеныш. Если хочешь, чтобы тебя вырвали из лап главного судьи и повесили на солнце, чтобы ты превратился в вяленое мясо, - я тебя не остановлю." "Верхний уровень 1." "Верхний уровень 2." "Верхний..." Я стояла, окруженная этими светлокрылыми рыцарями, пребывая в оцепенении. Шепот в моих ушах не прекращался. Казалось, я уже начинаю терять рассудок, и в моей голове постоянно вертелся звук: "Верхний..." Только прибытие главного судьи спасло меня. Хотя он принял меня за суккуба и едва не убил, оставив глубокую психологическую травму, один лучше, чем целая стая. Поэтому, увидев, как появляется главный судья, я почувствовала себя, словно увидела ангела, спасшего меня из пучины страданий. Я чуть было не закричала от радости. Когда главный судья посмотрел на меня, прося о помощи, его белый нимб внезапно стал бледно-розовым, переливаясь более темным розовым оттенком, чем тот, который я видела раньше. Но лицо под шлемом оставалось безэмоциональным, а ледяно-голубые глаза были по-прежнему холодными и спокойными. "Что ты здесь делаешь?" Прозвучал холодный мужской голос, пропитанный угрозой и леденящей строгостью, из-под шлема. Возможно, из-за шлема голос был чуть тише, становясь более сексуальным, с легким глухим магнетизмом. От его голоса у меня мурашки бежали по коже. К счастью, его угроза сработала. Гиганты, окружившие меня, наконец ушли, но прежде чем уйти, они снова бросили на меня взгляд, в котором, по-видимому, сквозило сожаление и разочарование. Я невольно вздрогнула. Затем передо мной возникла высокая стена, словно отгораживая меня от мира. "Человек, твое имя." Жестокий тон, словно допрашивают заключенного. Я чувствовала, как мое сердце сжимает невидимая рука. Мне потребовалось время, чтобы собраться с мыслями. Я не осмелилась взглянуть на него, склонив голову, дрожащим голосом ответила: "Судья... хысь!" От волнения и страха я даже прикусила себе язык. "... Мейс?" Я слышала, как он шепчет и повторяет мое имя, его тон стал немного странным. "Без фамилии?" Я подумала, что вряд ли увижу его снова, поэтому не хотела напоминать ему, что он ошибся с моим именем. Услышав его вопрос, я прошептала: "Судья, я обычный человек. У нас нет фамилий." В этом мире в человеческом обществе царила строгая система сословий. Обычные люди и неприкасаемые не имели права иметь фамилий. Только дворяне, королевские семьи или обычные люди, проявившие выдающиеся заслуги и таланты, могли получить это право. Сначала я не совсем понимала, почему существовали такие странные и строгие правила. Только после того, как я получила право на обучение в Императорской Академии Магии, будучи простолюдинкой, и начала тесно общаться с детьми дворян, я наконец поняла причину. Человеческое общество в этом мире было монархическим, и в целом строго следовало пирамидальной системе распределения власти сверху вниз. Поэтому у людей разных сословий были разные методы управления, а дворяне и королевские семьи придавали большое значение верности и послушанию. Например, как бы ни был глуп монарх этой страны, дворяне и принцы в качестве придворных и простолюдины в качестве подданных могли только молиться, надеясь повлиять на его решения, но не могли поднимать мятеж, чтобы свергнуть правящую династию. Даже если бы мятежникам удалось сместить старую

королевскую семью, их называли бы бунтарями и тиранами, и они навсегда оказались бы под осуждением и презрением людей. Но если армия другой страны напала бы и захватила столицу, убив членов старой королевской семьи, никто не сказал бы, что это было жестоко и безжалостно. Напротив, люди признали бы нового, более сильного монарха, заменившего их старого правителя. Они даже встречали бы нового императора цветами и offerings. Какой странный и извращенный социальный порядок. Центральный Святой Престол существовал независимо от государства. Они не вмешивались в войну и агрессию между человеческими империями. Только в случае стихийных бедствий, эпидемий или вторжения инопланетных существ рыцари Святого Престола выходили в мир, чтобы подавить угрозу и восстановить равновесие и стабильность между расами, предотвращая катастрофические последствия, такие как геноцид на континенте. Положение Рыцарей Светлого Крыла в Святом Престоле также было особенным. Их существование было больше похоже на надзор и суд. Если они обнаруживали неверных или тех, кто нарушал правила Святого Престола, они преследовали виновных, отправляя их на суд и приговор. На самом деле, мои ошибки не были такими серьезными. Маленький священник в приграничном городке, таком как я, был словно маленькая прозрачная песчинка в огромном Святом Престоле, но кто же знал, что мой учитель был одним из самых уважаемых жрецов жертвенных храмов, поэтому даже я попала в поле зрения. Иначе, если бы я была просто маленьким священником, рыцари никогда бы не выехали. После того, как я неверно назвала свое имя, юный главный судья перестал разговаривать со мной, но смотрел на меня суровым, пронизывающим взглядом, словно размышляя, как бы мне попенять. Под его взглядом тонкий слой холодного пота проступил на моих щеках и спине. "Галух Фиа Онингус." Внезапно произнес юный главный судья-рыцарь. Я растерялась, моргнула в замешательстве. Прежде чем я успела прийти в себя, мой учитель появился, принеся хорошие новости. Он подал прошение в суд через жреческий храм, заявив, что я впервые совершила правонарушение. Суд ответил, что если я как можно скорее выкуплю медальон и пройду оценку жертвенника, то моё проступку - залог медальона меркантильному союзу без разрешения - будет считаться исчерпанным. Хотя мне предстояло собрать три тысячи золотых монет, - что было довольно сложно сделать за короткий срок, - но это было лучше, чем быть арестованной и отправленной в тюрьму. Я была очень рада этому результату, и сразу же почувствовала облегчение. Мой учитель Горсиус хлопнул меня по плечу, с улыбкой сказал: "Что наказание было таким легким, ты должна поблагодарить Господина Галуха за помощь." Господин Галух? Я была ошеломлена, и подсознательно подняла голову, чтобы посмотреть на главного судью, который смотрел на меня равнодушно. "Спасибо, главный судья." Я подумала, что этот юный главный судья помог мне ради моего учителя, но всё равно решила поблагодарить его за доброту. Я старалась сохранить спокойствие, несмотря на волнение и тревогу, и улыбнулась мягко и дружелюбно. Тогда я заметила, что нимб над его головой по какой-то причине бешено мерцает между розовым и оранжевым. "Не благодари меня." Как будто в отвращении от моей благодарности, брови Галуха, лишённые выражения, искривились в неприятном холоде. "Это моя обязанность." Я почувствовала, как в мою грудь словно вонзилась стрела. В то же время я почувствовала, что этот юный главный судья, кажется... очень меня ненавидит. "Тогда я не буду вас отвлекать." Я поклонилась ему с почтением, а затем ушла вместе с учителем. Я чувствовала, как его холодные, ледяные глаза все еще следят за моей спиной. Только выйдя из секции Ватиканских Рыцарей вместе с учителем, я смогла вырваться из этого состояния, словно сидящего на иголках. Я молилась, чтобы мне больше никогда не встретиться с этим ужасным главным судьей. Но, очевидно, моя удача была ужасной. "Кстати, Мей, я забыл тебе кое-что сказать." Внезапно произнес мой учитель. Я с недоверием посмотрела на него. "Ха-ха, Господин Галух сказал, что чтобы загладить свою вину за то, что он принял тебя за суккуба и чуть не причинил тебе вред, он отправит своих рыцарей на крестовый поход в эту местность через полмесяца. Им не хватает нескольких сопровождающих священников, и он надеется, что ты временно станешь их священником и поможешь лечить раненых рыцарей в крестовом походе." "Для меня большая

честь сражаться вместе с рыцарями. Это также поможет тебе получить повышение в жреческих церемониях. Учитель, я очень оптимистично настроил на твой счет." Я тупо смотрела на улыбающееся лицо учителя, словно у меня потемнело в глазах и помутился разум. Даже вернувшись в город, где я поселилась, я все еще пребывала в состоянии оцепенения. Всякий раз, когда я думала о том, что предстоит провести несколько месяцев в крестовом походе вместе с ненавидящим меня Рыцарем Светлого Крыла, я чувствовала, что жизнь безнадежна, а будущее мрачно. Но как бы я ни тревожилась, ситуация уже не поддавалась изменениям, это не то, что я, маленькая пасторша, могла изменить. И мне нужно было много трудиться, чтобы заработать деньги и выкупить медальон. Необходимо было заработать три тысячи золотых монет за короткий срок. Это было не менее сложно, чем взрослому, который только что вышел в общество. Это был такой же тяжелый груз, как и стремление заработать миллионы за два месяца. Если не получится, я, пожалуй, всерьез подумаю о предложении мистера Алеураса – стать внештатным заводчиком русалок. В конце концов, щедрая зарплата, которую он предложил в свое время, очень меня заинтересовала. Он не требовал от меня постоянного присутствия, я могла приходить, когда мне удобно, рабочий график был невероятно гибким и свободным. И что самое главное – оплата была ежедневной! Но у меня не было опыта в разведении русалок. Я боялась, что если я не справлюсь с разведением, то буду платить огромные суммы денег и плакать без слез. Ведь русалки – это известная раса, славившаяся своей деликатностью, и их характер был непредсказуемым. За ними было крайне сложно ухаживать, и в тавернах, где собирались наёмники, часто ходили слухи о заводчиках, получивших травмы от русалок. Поэтому я поняла, почему мистер Алеурас готов был платить такую высокую зарплату, чтобы я стала заводчиком русалок. Я вздохнула с меланхолией, слабо бодрясь, направилась к городским воротам. Но еще не приблизившись к ним, я увидела знакомую стройную фигуру. Слепительно-светлые волосы, которые невозможно было не заметить, позволили мне с первого взгляда узнать, кто это. Я подсознательно захотела избежать встречи. Потому что этот человек сделал со мной непристойный поступок совсем недавно. Я не понимала, почему он так внезапно поступил со мной. Но я совсем не радовалась, а наоборот, злилась. Даже если я отличалась мягким характером, это не означало, что я могу спокойно отнестись к тому, что мой первый поцелуй отняли у меня неизвестный мужчина. Учитывая его положение и статус, я чувствовала, что он наверняка не был серьезен, а просто хотел со мной поиграть. Но я не могла снова ударить его, поэтому решила избежать встречи, чтобы он не дразнил меня снова. Как раз в тот момент, когда я собиралась развернуться и уйти, я увидела роскошную карету с гербом на боку, остановившуюся у городских ворот. Из нее вышли две служанки и прекрасная женщина в роскошном платье. Дама вышла из машины и быстро направилась к белокурому рыцарю. Подходя к Рональду, знатная дама не сказала ни слова, просто подняла руку и безжалостно ударила его. "Проклятье, ты знаешь, сколько убытков ваш сорванный брак принес семье Кламбель!" "Поспешి вернуться в столицу и женись на принцессе!" "Благородная дама полностью потеряла вежливость и манеру поведения аристократки, гневно обращаясь к молчащему Рональду: "По сравнению с твоим послушным братом, ты просто бесполезный отброс!" Казалось, что белокурый рыцарь уже давно привык к такому отношению со стороны дамы. Он слегка повернул голову, на его красивом, светлом лице все еще виднелись следы удара, а яркая улыбка, которая всегда играла на его губах, исчезла. Он стал словно совершенно другим человеком. Он опустил голову, равнодушно глядя на знатную даму, которая продолжала ругать его, и холодно сказал: "Мама, пожалуйста, успокойся".